

В.К. Косс

НЕ ГОВОРИ
ДЕТЯМ,
ЧТО МЫ
ЗНАКОМЫ

18+

18+

В.К. Косс

Не говори детям, что мы знакомы

«Автор»

2026

Косс В.

Не говори детям, что мы знакомы / В. Косс — «Автор», 2026

Мой сын женится. За общим столом я встречаю отца его невесты — мужчину, которого любила двенадцать лет назад. Мы пожимаем друг другу руки и представляемся, будто видимся впервые. Я прошу Сергея не рассказывать детям о нашем прошлом. Только сегодня. Но впереди четыре месяца подготовки к свадьбе, общие встречи и разговоры, после которых я снова жду его звонка. Сын привык, что я всегда рядом. Сергей уже однажды ушел, устав ждать. А я опять обещаю обоим, что скоро все устрою.

© Косс В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мама, только не начинай	5
Глава 2. Очень приятно	8
Глава 3. После гостей	11
Глава 4. Кого мы приглашаем	13
Глава 5. Двенадцать лет назад	15
Глава 6. У тебя кто-нибудь есть?	18
Глава 7. Еще до свадьбы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

В.К. Косс

Не говори детям, что мы знакомы

Глава 1. Мама, только не начинай

Егор позвонил, когда я стояла на табуретке и держала над головой мокрую штору. Телефон лежал на подоконнике. Я нажала подбородком на экран, чуть не уронила карниз и услышала:

— Мам, ты только не начинай.

— Я еще ничего не сказала.

— Вот заранее прошу.

За окном женщина вела через двор двух собак. Одна шла по своим делам, другая каждые три шага ложилась. Мне захотелось так же: положить штору на пол и объяснить сыну, что сегодня я никуда не иду. Не знакомлюсь с будущими родственниками. Не выбираю выражение лица, с которым мать жениха должна слушать о свадьбе.

— Что не начинать?

— Спрашивать Надю про работу. И деньги предлагать с порога. Мы сами все обсудим.

— Я с ней знакома полгода, Егор. Ее работа мне уже известна.

Он помолчал. Я слышала, как где-то рядом закрывают шкаф. У них всегда что-нибудь происходило, когда мы разговаривали: кипел чайник, приходила доставка, Надя спрашивала, куда он убрал зарядку. Сын жил своей жизнью. Я радовалась этому честно, а потом иногда задерживала его на телефоне вопросом, ответ на который знала заранее.

— Ну и про квартиру не надо. Мы пока снимать будем.

— Хорошо.

— Ты обиделась?

Я перехватила штору. С руки капало за ворот.

— Я вешаю тюль. Мне неудобно обижаться.

Он рассмеялся, и меня отпустило. В его смехе еще слышался мальчик, который прятал под подушкой шоколад, а утром уверял, что коричневое пятно было всегда.

— Заедешь к нам к пяти? Пойдем вместе. Надя там будет раньше, с мамой.

— Я сама дойду. У меня цветы.

— Какие цветы?

— Обычные. Без первоначального взноса.

После разговора я повесила штору криво. Слезла, посмотрела, снова полезла. У табуретки шаталась ножка. Андрей обещал когда-то ее подклеить, потом обещал Егор. Я уперлась коленом в подоконник и вдруг разозлилась на обоих так сильно, что сама удивилась.

Табуретку я могла выбросить четырнадцать лет назад.

К четырем собралась. Темно-синие брюки, светлая блузка, серьги без подвесок. В зеркале была женщина, у которой все в порядке: аккуратная стрижка, немного усталые глаза, ровно застегнутые пуговицы. Я наклонилась ближе и стерла помаду. Накрасилась снова. Не понимала, почему знакомство с матерью будущей невестки требовало столько приготовлений.

На столе осталась синяя папка. В понедельник начиналась аттестация, двое преподавателей заболели, третья грозилась уйти, если ей поставят первую пару после дежурства. Я сунула папку под ноутбук. Сегодня хотя бы несколько часов можно было никого никуда не расставлять.

У ресторана Егор ждал меня с пакетом.

— Мам, заberi, пожалуйста. Надя просила тебе передать контейнеры.

Я заглянула внутрь. Три чистые коробки, в которых неделю назад привезла им еду.

— Спасибо. Очень к месту.

— Я занесу обратно в машину.

— У тебя нет машины.

— Тогда в гардероб. Господи, я волнуюсь.

Он сказал это вдруг совсем просто, без смешка. Я поправила воротник его рубашки. Егор терпел секунду, потом перехватил мою руку, прижал к плечу и отпустил.

— Она хорошая, — сказала я.

— Я знаю.

— И ты хороший.

— Это уже сомнительно.

Внутри пахло хлебом и чем-то жареным. Надя поднялась нам навстречу. На ней было зеленое платье, которое я раньше не видела, и она все время трогала застежку браслета. Ее мать, Юлия, оказалась невысокой женщиной с короткими светлыми волосами. Она взяла мои цветы, улыбнулась и сказала:

— Ну наконец-то. А то дети уже гостей рассаживают, а мы друг друга по голосовым сообщениям знаем.

Я села напротив. Егор пристроил пакет с контейнерами под свой стул. Юлия сразу показала мне фотографию кошки, испортившей Надино платье на выпускной. Надя возмутилась, что прошло пять лет. Мы засмеялись. Стало легче.

— Сергей немного задерживается, — сказала Юлия. — В пятницу на выезде из города всегда пробка.

Имя было обыкновенным. Фамилию Нади я знала — Волкова. В моем колледже работали две Волковы, в соседнем подъезде жил Волков с овчаркой. Почему я должна была что-то сопоставить?

— Папа написал, уже припарковался, — сказала Надя.

Егор взял ее за руку под столом. Я увидела, как его большой палец лег поверх ее пальцев. В горле сжалось от неожиданной нежности. Когда-то я держала эту руку на пешеходном переходе, и она вся помещалась в моей ладони.

— А Андрей придет? — спросила Юлия.

— Он в командировке. В следующий раз.

Андрей предупредил заранее. Раньше я бы все равно нашла, за что обидеться; теперь просто передала его извинения.

Надя посмотрела за мое плечо и подняла руку.

Я сначала слышала шаги. Потом голос:

— Простите. Навигатор решил, что я люблю путешествовать.

Я узнала голос и перестала слушать Юлию. Она что-то спросила, пришлось переспросить. За соседним столом женщина объясняла ребенку, почему нельзя есть только масло; я слышала ее отчетливо, а Юлию напротив — нет.

Сергей стоял возле стула Юлии. В правой руке держал телефон. Левой уже расстегивал пиджак — тем самым движением, которое я помнила лучше, чем хотелось.

Он поседел на висках. Под глазами появились складки. На переносице был небольшой след от очков. Я никогда не видела его в очках.

Он посмотрел на меня и остановился.

Надя говорила:

— Пап, это Марина, Егорова мама.

Я успела подумать о совершенно ненужном: он не знал. Иначе не стоял бы так, с разжатой рукой, из которой сейчас выпадет телефон.

Потом Сергей положил аппарат в карман.

— Здравствуйте.

Мне пришлось встать. Стул зацепился ножкой за сумку, и я дернула его слишком сильно. Егор придержал спинку.

— Мам?

Я протянула руку и тут же пожалела. Убрать ее теперь было нельзя.

Сергей посмотрел на мою ладонь, потом взял ее.

Рука у него была теплая. Его большой палец лег поперек моих пальцев. Знакомое прикосновение; я едва не повернула ладонь, чтобы взять его за руку. На секунду мне стало тридцать. Я снова стояла в его старой прихожей, уже собираясь уходить, и никак не отпускала его руку.

— Очень приятно, — сказала я.

Сергей отпустил мою руку.

— Сергей.

— Я знаю. Надя сказала.

Юлия передала ему меню. Он сел. Егор нагнулся за моим пакетом и отодвинул его подальше, чтобы никто не запнулся.

Я смотрела на серебристый браслет часов, который Сергей расстегнул перед едой, и вдруг перестала понимать, что мне делать с собственными руками.

Глава 2. Очень приятно

Мне принесли воду. Я потянула стакан к себе, пока официант еще держал его за основание. Он сказал: «Осторожно», — и я покраснела, как будто замечание относилось ко всему, что происходило за столом.

— Мы сначала хотели в августе, — рассказывала Надя. — Но у Егора в отделе тогда сдача проекта. Поэтому шестое сентября.

Я знала дату. Мы обсудили ее трижды, и я уже поменяла дежурство накануне. Но сейчас пришлось спросить:

— Это суббота?

Егор посмотрел на меня.

— Да, мам.

Сергей листал меню. Я видела его руку внизу страницы и старалась не смотреть выше. Пальцы стали чуть шире в суставах. На безымянном кольца не было. Я заметила и это, прежде чем успела запретить себе замечать.

— На тридцать человек, — продолжала Надя. — Максимум. Без конкурсов с переодением. Без голубей.

— Голубей мы не предлагали, — сказала Юлия.

— Ты вчера прислала видео.

— Там красивый свет был.

Сергей тихо рассмеялся. Я ждала, что знакомый смех снова причинит боль, но услышала в нем что-то новое — усталость, которой раньше не было. Я вспомнила, как он смеялся, запрокидывая голову. Сейчас только чуть шевельнул плечами и снова уткнулся в меню.

— Вы в нашем городе давно не были? — спросил Егор.

— Весной приезжал. К Наде.

— А вообще раньше жили здесь?

— Жил.

Я подняла глаза.

Сергей смотрел на Егора. Спокойно, внимательно. Для моего сына это был незнакомый человек. Они никогда не встречались. Все, что Сергей знал тогда о мальчике, состояло из моих рассказов: плохо спит после развода, теряет сменку, ненавидит суп с капустой, по воскресеньям ждет отца у окна задолго до назначенного времени.

Теперь перед ним сидел взрослый мужчина и спрашивал, в каком районе он жил.

Я потянулась за хлебом. Салфетка упала на пол.

— Мам, тебе жарко? — спросил Егор.

— Немного.

— Тут можно окно открыть.

— Не надо, — сказала я слишком быстро.

В официантке, принесшей салаты, я узнала свою бывшую студентку. Она обрадовалась мне, назвала по имени-отчеству и рассказала, что поступила дальше учиться. Я спросила, куда, потом еще о преподавателях. Пока она отвечала, можно было не смотреть на Сергея.

Когда она ушла, Сергей произнес:

— Вы преподаете?

Я посмотрела на него. Он знал, где я работала. Знал, что я мечтала наконец уйти из бумажной работы в методическую, и что мой первый начальник обещал когда-нибудь освободить ставку.

— Заведую учебной частью. Иногда веду занятия.

— Понятно.

Ни тени насмешки. Он принял правила, которых я еще не успела предложить. От этого стало стыдно.

За горячим Егор и Надя попросили нас не звать дальних родственников без согласования. Юлия немедленно вспомнила тетю, которую невозможно обойти. Я уже открыла рот, чтобы объяснить, почему моей двоюродной сестре тоже будет неприятно, и тут встретила взгляд сына.

Он не укорял. Просто ждал.

— Хорошо, — сказала я. — Вы составляете список, мы смотрим.

— И никого потом не дописываем карандашом, — уточнила Надя.

Сергей кивнул.

— Я со своей стороны двоих впишу. Сестру и племянника. Если поместятся.

— Пап.

— Что? Я слышал про тридцать человек.

Он умел так говорить с дочерью: без особой мягкости, но с запасом нежности, который слышался в каждом ответе. Я поймала себя на зависти. Мне с Егором хотелось все время удостоверяться, что у нас по-прежнему хорошо. Сергей будто знал, что с Надей можно поссориться и остаться ее отцом.

Перед десертом я вышла. В коридоре было темнее. Дверь туалета оказалась занята, и я остановилась у высокого растения в кадке. Лист касался моей щеки. Я отодвинулась, достала телефон и увидела собственное отражение в черном экране.

Позади открылась дверь зала.

— Марин.

Вот теперь стало больно. От того, как просто он произнес мое имя. Без удивления, без вопроса, без тех двенадцати лет, которые я последние полтора часа держала перед собой.

— Ты знал? — спросила я.

— Нет. Надя говорила: мама Егора, Марина. Отчество я сегодня впервые услышал.

— А фамилия?

Он посмотрел на меня с усталой недоверчивостью.

— Соколовых полгорода. Ты же тоже не догадалась по Волковой.

Я кивнула. Он стоял на расстоянии двух шагов. Раньше, увидев меня в таком коридоре, подошел бы, положил ладонь на поясницу. Теперь даже руки не вынул из карманов.

— Не говори детям, что мы знакомы.

Сергей медленно моргнул.

— Зачем?

— Не сегодня. Они волнуются. У них свадьба.

— До свадьбы четыре месяца.

— Я знаю.

— Им нужно что-то объяснить, а не объявить государственную тайну.

Дверь туалета открылась. Вышла девушка, протиснулась между нами. Мы оба посторонились. Я посмотрела ей вслед с такой завистью, что Сергей, наверное, заметил.

— Мне надо сначала понять, — сказала я.

— Что?

На этот вопрос у меня не было ответа. Понять, как смотреть на его дочь? Что теперь делать с фотографией, которую я не выбросила, хотя считала, что выбросила? Почему я узнала его раньше, чем увидела?

— Просто не сегодня. Пожалуйста.

Он провел рукой по подбородку.

— Ладно. Сегодня не будем.

Мне хотелось поблагодарить, но это прозвучало бы так, будто он согласился убрать машину с моего места.

— У тебя все хорошо? — спросил он.

Я кивнула.

— Да. У тебя?

— По-разному.

Двенадцать лет назад я бы потребовала рассказать, что именно не так. Теперь боялась, что он расскажет.

Я вернулась за стол первой. Егор доедал мое горячее, решив, что я больше не хочу. Я села, взяла вилку и поняла, что голодна. Но тарелку не попросила.

Сергей появился через минуту. Придвинул к себе чашку, спросил Надю о фотографии. Я отвечала Юлии, улыбалась вовремя, даже смогла пошутить.

На прощание мы снова пожали друг другу руки.

Домой я несла цветочную упаковку, которую Юлия попросила выбросить, и пакет с пустыми контейнерами. На переходе загорелся зеленый. Люди вокруг шагнули вперед, а я осталась стоять, пока кто-то сзади не сказал:

— Женщина, вы идете?

Я пошла. Дома поставила пакет на пол, не сняв обуви, и позвонила Лиде.

— Ты можешь сейчас говорить?

— Могу. Что случилось?

Я села на табуретку. Та качнулась подо мной.

— Я встретила Сережу.

Подруга долго молчала. Я слышала, как она выключила воду.

— Того?

— Да.

— Где?

Я уставилась на грязный носок ботинка. Надо было почистить перед выходом. Я ведь собиралась.

— Лид, наши дети женятся.

Глава 3. После гостей

Лида приехала через сорок минут с пакетом из магазина. В пакете были сыр, хлеб и кошачий корм. Она выставила корм на мой стол, посмотрела на него и убрала обратно.

— Не то купила, — сказала она. — Для нас не то.

Мне стало смешно. Я засмеялась слишком громко, потом закрыла рот ладонью. Лида сняла куртку, обняла меня прямо в прихожей. Прижалась холодной щекой. Я стояла, уткнувшись ей в плечо, и не плакала, хотя именно для этого, наверное, ее позвала.

— Он женат? — спросила она на кухне.

— Не знаю.

— А дети знают?

Я покачала головой.

Лида отрезала ломоть хлеба, положила передо мной. Мы работали вместе семнадцать лет. Она знала, что можно спросить сразу, а к чему лучше вернуться после чая.

— Я попросила его промолчать.

— На сегодня?

— Да.

Она ничего не сказала. Слишком хорошо меня знала.

Телефон засветился. Егор прислал фотографию: мы все за столом. Официантка сняла нас перед горячим, когда я еще держалась. На снимке Сергей сидел по диагонали от меня. Между нами улыбалась Надя. Я увеличила лицо сына. Потом лицо Сергея. Закрыла фотографию, когда Лида подвинула ко мне тарелку.

«Ты доехала?»

«Да. Все хорошо».

«Надина мама тебе как?»

Я написала, что приятная, и получила голосовое. Егор говорил на улице, ветер бил в микрофон.

«А папа у нее нормальный, да? Я сначала думал, будет расспрашивать, сколько зарабатываю. А он только про работу спросил. У них станки такие, какие мы в проекте считаем. Мы потом еще постоим поговорим».

Я положила телефон экраном вниз.

— Хорошо они посидели, — сказала Лида.

— Да.

— Ты ему скажешь.

— Конечно.

— Я тебя не спрашиваю. Я надеюсь.

Мне захотелось, чтобы она ушла. Одновременно я боялась, что сейчас встанет и оставит меня одну с этой фотографией.

— Представляешь, если у нас с Сергеем что-нибудь не так? На свадьбе? Или до свадьбы? Они потом всю жизнь будут вспоминать, как родители устроили им праздник.

— Ты уже успела с ним что-нибудь устроить?

— Лид.

Она накрыла мою руку своей.

— Я понимаю, что тебе страшно. Только ты сейчас далеко вперед убежала.

Мы говорили до одиннадцати. О том, что он поседел, что у Юлии красивый голос, что Надя все время поправляла браслет. О том, как мало я помнила из вечера, кроме его рук. Лида ни разу не произнесла «до сих пор любишь». За это я была ей благодарна.

Когда она ушла, я открыла нижний ящик письменного стола. Там лежали диплом Егора, старые квитанции, зарядки от выброшенных телефонов. Фотографии не оказалось. Я закрыла ящик, выдвинула соседний. Потом остановилась: искала снимок с такой поспешностью, будто он мог подтвердить, что все это действительно со мной было.

Утром Егор заехал за дредью. Ему понадобилось повесить полку в съемной квартире. Я уже приготовила инструмент, насадки, удлинитель и пакет со старыми газетами, чтобы не пылить на пол.

— Мам, я же не стену сносить.

Он поцеловал меня в висок. Заглянул в холодильник, налил себе молока. Я смотрела, как он стоит босиком на знакомом месте возле плиты: снял кроссовки у входа, носки оказались мокрыми после дождя. Взрослый, широкий в плечах, и все равно мой домашний мальчик.

— Надя чего не приехала?

— С мамой пошла. А я к тебе.

Я налила ему еще молока и села рядом. Приехал ко мне — так и сказал. Хотелось переспросить, услышать еще раз.

— Ты вчера тихая была, — сказал Егор. — Не понравилось что-нибудь?

Я сняла с сушилки чашку, хотя он уже пил из стакана.

— Устала. На работе дурдом.

Он не усомнился. Рассказал, что им с Надей приглянулась площадка возле парка. Я слушала, спрашивала о цене, вовремя прикусила язык, когда захотелось предложить доплатить за большой зал.

Перед уходом он увидел табуретку.

— Она опять шатается? Давай выбросим, я новую куплю.

— Не надо. Я сама.

— Точно?

— Точно.

Когда дверь закрылась, я долго держала в руках его недопитый стакан. Сказать можно было за пять минут. Он был здесь, спокойный, никуда не спешил. Я представила, как произношу имя Сергея, как лицо сына меняется от удивления. Отложила стакан в мойку.

Днем в семейной переписке появился новый участник. Сергей написал, что нашел контакты перевозчика для гостей. Номер телефона остался тем же. Я знала последние четыре цифры, даже не открывая карточку.

Через минуту пришло личное сообщение.

«Это мой номер, если не сохранился».

Я набрала: «Сохранился». Удалила. Написала: «Спасибо».

Он больше ничего не прислал.

Вечером я все-таки нашла фотографию. В книге по организации учебного процесса, которую не открывала много лет. Мы стояли на речном причале. На мне была его куртка, на нем тонкий свитер. Я смеялась, отвернувшись от камеры, и Сергей смотрел на меня. Мне не нравилась эта фотография тогда: получился большой рот, ветер растрепал волосы.

Теперь я не могла вспомнить, над чем смеялась.

Я положила снимок обратно, но книгу оставила на столе.

Глава 4. Кого мы приглашаем

В среду Юлия прислала список гостей на сорок семь человек. Надя ответила одним вопросительным знаком. Юлия написала, что это просто все, кого надо рассмотреть, а не обязательно приглашать.

Я как раз добавляла к своему списку двоюродную сестру с мужем. Посмотрела на экран и стерла обе фамилии. Через минуту вписала обратно, но другим цветом.

В субботу мы собрались у молодых. Сергей приехал раньше меня и принес коробку с чашками, которую Надя полгода не могла забрать из его квартиры. Коробка стояла на полу в прихожей. Я подумала, что это хорошая причина приехать, и сразу рассердилась на себя: мне-то зачем оценивать его причины?

Егор открыл дверь с отверткой в руке. Полка висела. Чуть ниже, чем следовало, зато ровно.

— Красиво, — сказала я.

— Только голову береги, когда с дивана встаешь.

Он взял мой пирог. Надя застелила стол клеенкой, на которой остались следы упаковочного скотча. Юлия сидела у окна, Сергей — на стуле возле плиты. Мне досталось место напротив него. Я поставила сумку между коленями.

— Давайте сначала про деньги, — сказал Егор.

Я уже открыла сумку.

— Про наши деньги, мам. Не надо ничего доставать.

Юлия улыбнулась, но я видела, как и она убрала руку с кошелька.

Молодые накопили часть суммы сами. Мы с Андреем обещали подарок, Сергей и Юлия тоже. Теперь Егор показывал таблицу: еда, помещение, фотограф, одежда, машина для старших родственников. Под строкой «декор» стоял вопросительный знак.

— Есть вещи, которые можно не делать, — сказала Надя. — Я не хочу потом полгода оплачивать цветы, которых не помню.

— На фотографиях будут, — возразила Юлия.

— Мам.

Я смотрела на таблицу и внезапно узнала собственный почерк в том, как Егор подчеркивал итоговую сумму. Когда учила его решать задачи, требовала, чтобы ответ был выделен. Теперь его ответ состоял в том, что на все наши представления о празднике денег не хватало.

— Давайте сначала ваши тридцать человек, — предложил Сергей. — Потом наши обязательства перед тетями.

Юлия посмотрела на него.

— Твоя сестра уже в списке.

— Я знаю. Если надо выбирать между ней и Надиными друзьями, сестре объясню сам.

Я вдруг сказала:

— Мы можем позвать своих отдельно. После свадьбы. На чай, на фотографии.

Егор поднял на меня глаза. Было видно, что такого предложения он не ждал.

— Можно, — сказала Надя. — Спасибо.

Я распрямилась. Егор придвинул ко мне таблицу, чтобы было лучше видно. Сергей чуть кивнул.

Потом мы спорили о детях на свадьбе, о времени регистрации, о том, нужно ли заказывать автобус. Разговор оживал, когда появлялся конкретный вопрос. Сергею я могла спокойно сказать, что машина на четыре места не решает проблему шести родственников. Он отвечал, что один из родственников, насколько помнит, всегда приезжает на своей. Мы даже не заме-

тили, как перешли на «ты». Надя в это время искала телефон фотографа, Егор наливал чай. Юлия подняла голову, но ничего не сказала.

После чая мы с Сергеем остались на кухне мыть чашки. Егор показывал Юлии полку, Надя разговаривала по телефону в коридоре. Я мыла, он вытирал. Нужное движение возникло само: протянуть чашку ручкой вперед, придержать блюдце ребром ладони, отойти от ящика, который он открывает.

— У них хорошо, — сказала я.

— Да.

— Маленькая только кухня.

— Им хватает.

Мне захотелось возразить. Я посмотрела на него и рассмеялась.

— Уже начинаю?

— Немного.

Он тоже улыбнулся. Я отвела глаза к воде. В эту минуту мне было настолько легко, что стало страшно. Сергей держал полотенце на плече; я протянула мокрое блюдце прямо к нему, как делала когда-то. Он принял, не удивившись.

В сушилке лежала большая полосатая чашка. Сергей взял ее, повертел.

— Надина, — сказал. — Ей лет пятнадцать было, когда купила. Деньги заработала на летней подработке.

Я подумала, что ни разу не видела его дочь в пятнадцать. Не знала, какими были ее волосы, как она носила рюкзак, о чем просила отца. Рядом со мной стоял хорошо знакомый человек, у которого прошла целая жизнь, пока я водила Егора к ортодонту и составляла расписания.

— Сереж, — позвала Юлия из комнаты. — У тебя контакты сестры есть? Я хотела про дорогу спросить.

Он отложил полотенце и вышел. Я осталась с руками в теплой воде.

Сережей его называла не только я. Я знала это и раньше. Но услышать оказалось почему-то трудно.

На улице Сергей спросил, подвезти ли меня. Я сказала, что хочу пройтись. Он не настаивал. Машина стояла у арки, с незнакомым мне номером, в пыли после дороги.

Мы попрощались, и я пошла вдоль дома, уже думая, что могла бы согласиться.

На следующем перекрестке вспомнила стол. Светлый, прямоугольный, с закругленным углом. Сергей тогда предложил купить его первым, потому что без остального можно обойтись, а есть на коробках глупо. Мы сидели в мебельном отделе, как посетители крошечного кафе, и примеряли к нему четыре стула.

Я не знала, купил ли он тот стол.

Телефон лежал в кармане. Можно было спросить.

Я дошла домой, так и не достав его.

Глава 5. Двенадцать лет назад

Заказ на стол нашелся в той же книге, что фотография. Сергей вписал размеры, цвет, срок доставки. На обороте я составила список: документы, книги, зимние вещи, Егорова коллекция камней. Последнюю строчку подчеркнула дважды. Он однажды сказал, что камни можно оставить, и я вспыхнула так, будто речь шла о самом мальчике.

С краю Сергей расписывал ручку: несколько петель, потом мое имя. Я тронула пальцем выцветшие буквы.

Он пришел ко мне в среду. Егор ночевал у Андрея. Даже через два года после развода сын собирался к отцу с какой-то отчаянной добросовестностью: чистая футболка, книжка, которую надо показать, рисунок из школьного альбома. Я напоминала про зубную щетку, а сама следила, чтобы Андрей не опоздал.

В тот день опоздал на сорок минут. Сергей поднялся через десять после их ухода. Я сидела на кухне с мокрой тряпкой, которую прижимала к пятну на скатерти.

— Чай будешь? — спросила.

— Буду. Что случилось?

— Ничего.

Он повесил куртку. Посмотрел на тряпку, потом на меня.

— Давай я, — сказал.

Я почему-то решила, что он предлагает разобраться с моей жизнью. Не ответила. Он забрал тряпку и отнес в ванную. Вот и все, что имел в виду.

В холодильнике были котлеты и гречка. Пока грела, он открыл шкаф за тарелками, и дверца осталась у него в руке. Я рассмеялась впервые за весь день. Сергей стоял с этой дверцей, серьезный и немножко оскорбленный, как человек, которого обманула мебель.

— Так и было? — спросил.

— Почти. Надо сначала на себя, потом вправо.

— А потом куда?

— Потом держать.

Он нашел у меня отвертку и провозился до девяти. Котлеты остыли, гречка прилипла к сковороде. Мы ели прямо из нее, потому что посуду я уже вымыла и не хотела пачкать. В прихожей лежала его раскрытая сумка с рабочими бумагами. Я ходила мимо и каждый раз смотрела: сумка была здесь, он не собирался уходить сразу после ужина.

Мы познакомились на складе. В колледж привезли оборудование для мастерской, часть документов перепутали, и меня отправили на склад получать недостающие коробки. Сергей там разбирался с поставкой для своего участка. Диспетчер обедала. Нас выставили за дверь ждать, и мы сидели на холодной скамейке, как два провинившихся школьника.

Я ругалась в телефон с бухгалтерией. Потом обнаружила, что говорю слишком громко, и отошла. Сергей слышал все равно. Когда я вернулась, молча подвинул ко мне бумажный стакан с чаем из автомата.

— Там больше сахара, чем чая, — предупредил он.

Я выпила. Руки замерзли, хотя был сентябрь. Он спросил, сколько мне еще здесь сидеть, я ответила, что до победы, и он почему-то засмеялся так искренне, что я тоже улыбнулась.

Номер я дала ему не сразу. Он помог загрузить коробки, спросил, можно ли позвонить. Я сказала: «По работе?» — и рассердилась на себя за кокетство. Давно не умела так разговаривать, все время казалось, что со стороны смешно.

— Нет, — ответил он. — По работе у меня уже есть ваш внутренний.

Я записала номер на его накладной. Он позвонил в тот же вечер. Егор сидел рядом, делал математику, и я ушла в ванную. Села на край ванны, поставила ноги на холодный коврик и улыбалась его рассказу про день, хотя ничего особенно смешного он не говорил.

Через неделю мы встретились в кафе. Я пришла раньше, выбрала столик спиной к залу, чтобы не увидеть знакомых. Сергей заметил, но не спросил. За ужином рассказывал про дочь, которую учил ездить на велосипеде и однажды не удержал. Надя разбила коленку, он чуть не поссорился с ее матерью, потому что не мог признать, как испугался сам. Я слушала, как он произносит дочкино имя, и впервые за много времени не чувствовала необходимости заинтересовывать мужчину.

На улице он поцеловал меня в висок. Я стояла с пакетом сменной обуви из колледжа, и мне было тридцать, хотя несколько последних лет я ощущала себя намного старше. В автобусе всю дорогу смотрела в темное стекло. Отражение улыбалось, и я не могла заставить его перестать.

Потом мы научились находить свободные часы. Егор у отца, Надя на занятиях, у меня отменили вечернюю группу, у него смена закончилась раньше. Я могла ждать его днем в тихой квартире и все равно пугаться звонка в дверь. Мы казались себе осторожными. Никто не хотел тащить детей в отношения, которые еще не проверили. Но проверка тянулась, и каждый месяц было все труднее объяснить, почему ребенок до сих пор ничего не знает.

Однажды Егор нашел в прихожей чужую перчатку. Я сказала, что коллега забыла. Перчатка была большая, кожаная. Сын повертел ее и положил на тумбу. Я запомнила это молчание, но тогда решила, что он поверил.

Вечером отдала Сергею. Он убрал перчатку в карман и спросил, может быть, пора познакомиться. Я ответила, что после каникул. Он не стал спорить. Через месяц сам сказал, что с Надей лучше подождать: они опять поругались из-за выходных. Мы успокаивали друг друга теми же словами, от которых потом обоим стало больно.

В ту среду, когда он прикрутил дверцу и предложил переезд, мы встречались пять месяцев. Я привыкла ждать его звонка в половине десятого, когда он выходил после смены. Узнавала по дыханию, поднимается ли по лестнице. Знала, что при чтении он водит ногтем по нижней губе. Однажды разрешила ему остаться на целую ночь, не прислушиваясь к лифту. Утром проснулась раньше и лежала, стараясь не пошевелиться: наконец-то рядом было что-то тепло, и никто ничего от меня не просил.

— Мне предлагают место, — сказал он в тот вечер, отставив сковороду. — Там производство расширяют.

Я знала город. Два часа на машине, иногда дольше. Мне тогда это показалось почти рядом.

— Хорошее?

— Хорошее. Начальник участка. Потом инженерная служба, если получится.

Я обрадовалась за него. Полезла за чистой чашкой, чтобы налить чай. Он взял меня за руку.

— Марин, поехали со мной.

Меня никто никуда не звал много лет. На работу, на родительское собрание, помочь с ремонтом — да. Жить вместе со мной хотели последний раз так давно, что я перестала ждать этих слов.

Я села рядом. Сергей говорил про жилье, про школу возле нового дома, про то, как будет забирать Надю на выходные. Дочь жила у Юлии. От нового дома до нее было два часа; Сергей уверял, что будет ездить каждую неделю. Он уже проверил дорогу и посмотрел расписание школы.

— А я? — спросила.

— Ты со мной.

Я хотела спросить про работу. Про деньги на первое время. Про то, что будет, если мы не справимся. Но он смотрел так открыто, что я кивнула.

Потом мы мыли сковороду. Он обнимал меня сзади, мешал полоскать, я пыталась сердиться и не могла. Я положила мокрые руки поверх его рук и перестала вырываться. Сковороду домыли не сразу.

Решение о переезде прожило во мне счастливым почти неделю. Я выбирала, какие чашки взять, присматривала занавески в интернет-магазине. Написала список на обороте заказа. Егор слушал, как я осторожно рассказываю о другом городе, и спрашивал только одно: папа тогда сможет его забирать?

Я сказала, что сможет. Не поговорив с Андреем. Не узнав, как устроится школа. Пообещала, потому что очень хотела, чтобы получилось.

Сейчас, сидя над тем листком, я увидела маленькое жирное пятно возле слова «документы». Наверное, масло. Или крем для рук. Я провела по нему пальцем, пытаюсь вспомнить, когда начала бояться сильнее, чем хотела ехать.

Телефон зазвонил. Мама спрашивала, почему я не отвечаю в семейной группе.

— Я дома. Все хорошо.

— Свадьба же у вас. Волнуешься, наверное.

— Немного.

Она рассказала, что соседка продает красивую вазу, можно поставить цветы на стол молодым. Я попросила ничего не покупать. Мама обиделась на интонацию. Пришлось объяснять, что дети сами решают оформление.

— Теперь все сами, — вздохнула она. — А ты потом крайняя будешь, если некрасиво.

Я закрыла глаза.

— Мам, я не буду крайней.

Мы попрощались. Я положила старый заказ в конверт. Фотографию туда же. На этот раз не спрятала в книгу, а убрала в верхний ящик — туда, где лежали нужные вещи.

Вечером написала Сергею:

«Ты купил тогда тот стол?»

Он ответил не сразу.

«Да».

Я смотрела на это короткое слово, пока экран не погас.

Потом пришло второе сообщение:

«Он до сих пор у меня».

Глава 6. У тебя кто-нибудь есть?

В последние дни мая Сергей приехал посмотреть площадку. Егор не смог вырваться с работы, Надя должна была подъехать позже. Я согласилась встретиться с администратором вместо них и всю дорогу повторяла себе, что это нормальная родительская помощь.

Помещение было небольшое, с окнами в парк. Под потолком висели воздушные шары после чьего-то праздника. Один почти сдулся и свисал на длинной ленточке. Администратор показывала, где поставить столы, и говорила так быстро, что я не успевала записывать.

— А если дождь? — спросил Сергей.

— Здесь есть веранда.

— На ней крыша тканевая. А если ветер?

Она перестала улыбаться. Мне стало неловко за него, потом я увидела щель между краем веранды и стеной. При косом дожде половину гостей облило бы.

Он не спорил. Попросил показать запасной проход и место, где разместят музыкантов. Я записала ответы. За запасное помещение и второй комплект колонок требовалась доплата. Я подчеркнула обе суммы, чтобы не забыть рассказать Егору.

Надя приехала, когда мы уже сидели за столом с распечаткой. Опоздала на полчаса, запыхалась и сразу стала извиняться.

— На работе закрытие месяца. Я же предупреждала, что могу не успеть.

— Успела, — сказал Сергей. — Мы тебе вопросы оставили.

Он подвинул стул. Я заметила, как Надя выдохнула. В колледже я встречала родителей, которые начинали разговор со взрослым ребенком перечислением его ошибок. Иногда сама так говорила с Егором. Он еще не успевал снять куртку, а я уже знала, что надо было надеть другую.

Мы отказались от двух платных услуг, договорились прислать уточненный список и вышли в парк. Надя позвонила Егору, отошла. Сергей остановился возле киоска с водой.

— Тебе какую?

— Без газа.

— Помню.

Сказал и сразу посмотрел в сторону Нади. Она стояла спиной. Я сделала вид, что не заметила.

Потом Наде пришлось уехать обратно на работу. Мы с Сергеем остались на пустой дорожке. Пахло мокрой корой: утром прошел дождь, к вечеру вышло солнце.

— Подвезешь? — спросила я сама.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее обычного.

— Конечно.

В машине было чисто, но без показной аккуратности. На заднем сиденье лежала рабочая куртка, в дверце — пачка салфеток и отвертка. Из телефона тихо говорил ведущий. Сергей убавил звук.

Я застегнула ремень. Он плавно выехал со стоянки. Раньше водил резче, нетерпеливо постукивал пальцами по рулю, когда впереди тормозили. Я ждала этого стука и вдруг поняла, что не дождусь.

— Ты больше не в старом доме? — спросил он.

— В старом. Подъезд только покрасили.

— Егору потом стало полегче? После того года.

Я не сразу ответила. Само слово «после» будто пришло из другого разговора.

— Да. Пошел в секцию, потом бросил. Перестал ждать Андрея у окна. Вырос.

— Хорошо.

У светофора Сергей повернулся.

— У тебя кто-нибудь есть?

Я зачем-то посмотрела на свои колени. Брюки измялись. На манжете был след ручки.

— Нет.

Он кивнул.

— А у тебя?

— Сейчас нет.

— А раньше?

— Было.

Я знала, что не имею права обижаться. Двенадцать лет — достаточно, чтобы встретить кого-то, полюбить, расстаться, снова попробовать. Я сама встречалась с мужчиной из института повышения квалификации. Два года мы ужинали по пятницам, ездили летом к морю и все время старались не доставлять друг другу неудобств. Когда он сказал, что у нас ничего не меняется, я согласилась. Мы даже разойтись сумели без неудобств.

— Серьезно? — спросила я.

— Жили вместе почти три года.

На зеленый он не сразу тронулся. Сзади посигналили.

— Прости, — сказал Сергей неизвестно кому.

Я смотрела в окно. Три года. Утром он просыпался рядом с другой женщиной. Она знала, где у него носки. Может быть, за тем самым столом они ели, разговаривали, сердились. Может быть, она тоже не любила газированную воду, и он перепутал.

Эта последняя мысль оказалась настолько жалкой, что я почти рассмеялась.

— Что? — спросил он.

— Ничего.

Он не стал вытягивать. Довез до дома, остановился у арки. Я уже отстегнула ремень, когда он сказал:

— Я не ждал тебя все это время, Марин.

От стыда стало жарко. Я повернулась к нему.

— Я и не думала.

— По тебе видно, что задело. Хочешь спросить — спроси.

Я держалась за ручку двери.

— Не хочу.

Он кивнул и отпустил руль.

— Ладно.

Можно было выйти. Подняться домой, разложить записи по расходам, открыть рабочую почту. Вместо этого я спросила:

— Тебе с ней было хорошо?

Сергей посмотрел вперед. По двору мальчик тащил самокат, перевернув его колесами вверх. Мать шла следом и не помогала.

— Сначала да, — ответил он. — Потом оказалось, что я там только ночью.

— Ты много работал?

— И это тоже.

Я не знала, что сказать. Он усмехнулся — себе, без веселья.

— Не все у меня получилось, как я собирался.

Мы посидели еще минуту. Когда я вышла, Сергей тоже выбрался из машины. Передал папку, которую я забыла на сиденье.

— Спасибо, — сказала я.

— Пожалуйста.

Мне захотелось коснуться его щеки, той маленькой складки возле рта, которой раньше не было. Я взяла папку обеими руками.

Наверху долго не включала свет. Стояла возле окна, пока машина не уехала. Потом позвонила Лиде, но она не ответила. Я набрала сообщение: «Он ни с кем не живет» — и отправила раньше, чем успела подумать, как это выглядит.

Глава 7. Еще до свадьбы

Последний день мая мы провели у мамы. Егор приехал с Надей, привез торт, который размок по дороге. Мама сказала, что крем и должен быть мягким, и достала ложки вместо десертных вилок.

— Ты на него не смотри, — предупредила она Надю, указывая на внука. — Он хороший. Только носки вечно разбрасывал.

— Почему разбрасывал? — спросила Надя. — Вы его давно дома не видели.

Егор демонстративно стряхнул крошки с коленей, и мы засмеялись. Я сидела между ними и мамой, наливала чай, отрезала горелую корочку от пирога. В такие минуты казалось невозможным, что в нашей жизни вообще есть что-нибудь сложное.

Мама спросила, понравились ли мне будущие родственники.

— Да, хорошие люди.

— Отец у Нади еще не старый, наверное?

— Бабуль, — сказал Егор, — ему сорок шесть.

— Значит, молодой. А Юля замужем? — спросила мама у Нади.

Надя объяснила, что мама живет с Виктором. Отец отдельно. Мама внимательно посмотрела на меня.

— Ну вот, Марин. Все живут.

Я поставила чайник слишком громко. Егор сделал вид, что не услышал. Про мою личную жизнь говорили редко, зато сразу все. Я ждала, что Егор тоже что-нибудь посоветует, и заранее на него сердилась.

Когда молодые ушли, мама попросила меня разобрать полку в прихожей. Я сняла пальто, хотя уже собиралась домой. Нашла просроченные батарейки, два чужих зонта, фотографии на документы. Пятнадцать минут превратились в час.

Сергей позвонил в половине шестого.

— Ты занята?

— Немного.

Мама из комнаты спросила, кто звонит. Я прикрыла микрофон ладонью.

— По свадьбе.

Сергей, конечно, услышал.

— Я еще в городе, — сказал он. — Надю ждал. Можем пройтись?

Я посмотрела на полку. Мама сидела перед телевизором, положив ноги на низкую скамейку. Все, что действительно требовало моих рук, уже было сделано.

— Через полчаса у библиотеки, — сказала я.

Мама спросила, куда это я. Я ответила, что встречу с человеком. Она потянулась за очками, но больше ничего не спросила.

Сергей стоял возле закрытого книжного киоска. Ветер трепал ценник за стеклом. Он посмотрел на часы, когда увидел меня, и сразу убрал руку. Я опоздала на восемь минут.

Мы пошли вдоль бульвара. Впереди женщина учила ребенка ездить на велосипеде. Он все время заворачивал на газон. Сергей переступил через упавшую ветку, придержал ее ногой, чтобы прошла я, и отпустил.

— Я хочу рассказать Наде, — сказал он.

Я знала, что этот разговор будет. С утра даже придумала спокойный ответ. Сейчас не могла вспомнить ни слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.